

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

ЛИТЕРАТУРА

Припомню от начала до конца...

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА ВАЛЕНТИНА СОКОЛОВА

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА НИКОЛАЯ СКРЁБОВА

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЦЕНАРИСТА ВИКТОРА МЕРЕЖКО

12 +

РОСТОВ - НА - ДОНУ

2017

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**РЕДАКТОР ПО БРАЙЛЮ
В. И. МАРТЫНОВ**

**РЕЛЬЕФНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРАФИКА:
И. А. ГЕТАЖАЕВА**

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ:
Н. А. ТОПОРКОВА**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
И. А. ГРИЩУК**

**БРАЙЛЕВСКИХ ЛИСТОВ:
УЧЁТНО-ИЗДАТЕЛЬСКИХ ЛИСТОВ:**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В ГБУК РО
«РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

Книга «Припомню от начала до конца» знакомит с биографией писателей, жизнь и деятельность которых связана с Донским краем.

Это сценарист Виктор Иванович Мережко и это поэты Николай Михайлович Скрёбов и Валентин Петрович Соколов.

СОДЕРЖАНИЕ:

Золотое сечение.....

Кино – это идеология.....

Разоружение зла.....

Страданий горьких чаша.....

Встречающиеся в тексте понятия и термины поясняются в словаре в конце книги.

*Припомню от начала до конца
Твой каждый взгляд,
И возглас, и движенье...*

Николай Скрёбов

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ

*И паденья бывали, и взлёты
в переменчивой жизни моей.
Чем суровой бывали заботы,
тем сильнее горячил я коней.*

Николай Скрёбов

Говорят, существуют поэты чувства и поэты мысли. Сердца и ума. Если эти ипостаси соединяются в гармонической пропорции (что-то вроде «золотого сечения»), плюс мастерство, получается хороший поэт.

***

О «золотом сечении» – но с несколько необычной точки зрения – говорил и один из героев нашего сборника:

- Привычка писать стихи не относится к числу вредных, но она была бы совершенно бесполезной, не окажись привычки встречной – стихи читать.

Только гармония этих пристрастий создаёт предпосылки, если можно так выразиться, эффективности творчества.

Николай Михайлович Скрёбов. Яркий представитель нашей интеллектуальной элиты старшего поколения, блестящий радиожурналист, прекрасный поэт, бережный переводчик.

Член Союза журналистов и Союза писателей СССР. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Старший редактор Ростовского областного телерадиокомитета, главный редактор студии радиовещания Ростовской гостелерадиокомпании «Дон-ТР».

Заместитель главного редактора журнала «Дон», заместитель председателя Ростовского отделения Союза писателей России.

Отзывы о Скрёбове всех сослуживцев – во всех этих таких серьёзных организациях – сводятся к одному: Человек с большой буквы.

Как пример, телевизионщики:

- Интеллигент до мозга костей. Аристократ, которых в наше время можно пересчитать по пальцам. Нам, журналистам ГТРК «Дон-ТР», почётно было считаться коллегами самого Николая Скрёбова. Казалось, что скромнее его и на радио, и на телевидении, просто нет.

На все вопросы у нас отвечал Скрёбов. Будь то правильная постановка ударения в слове, уточнение даты отечественной или мировой истории, либо составление графика эфирного программирования. Во всех перечисленных и не перечисленных случаях все тут же обращались к Николаю Михайловичу.

Николай Скрёбов умел кратко и очень верно говорить:

- Прежде всего, не нужно никому ничего навязывать. Понятно и так, что если ты старше, ты больше видел и больше знаешь. И нет уже времени, чтобы в догонялки играть.

Нужно просто верить в то, что «без божества, без вдохновенья» потомки всё равно не проживут. Как прекрасно сказал Константин Кедров: «Без поэзии человечество – всего лишь биомасса».

Или такое точное суждение:

- Наш словарь стал обрастать всякими «лизингами» и «клирингами» – замысловатыми поначалу словами, а сегодня вошедшими в обиход, и потому уже не слишком раздражающими.

Но всё-таки они подменяют собой что-то, подменяют душу словесного рисунка.

***

Десять лет назад Николай Михайлович стал лауреатом ежегодной премии «Человек года». А в 2016 году Союз российских писателей объявил о проведении нового литературного интернет-конкурса – «Скрёбовские чтения».

Ограничений нет, главное – любить и ценить поэзию. Условие одно: в присланной поэтической подборке – эпиграф или тема из стихов Николая Скрёбова.

И география участников оказалась очень обширна! Кроме Ростовской области – Набережные Челны, Вологда, Тольятти. Чулым, Волгоград, Казань. Казахстан. И Украина.

Очень тяжело переживал Николай Михайлович нынешние отношения с некогда братским народом:

*Что выйдет из кровавого замеса,
Потрясшего четырнадцатый год?
Майдан, Антимайдан, Донбасс, Одесса
Не обещают будущему льгот...*

*Не счесть враждой навязанных невзгод,
Нещадно их перевирает пресса,
И телевизионная завеса,
Скрывая правду, изощрённо лжёт.*

*И, кажется уже, сам воздух лжив,
Когда огонь корёжит рубежи,
Над братством совершая святотатство...
Но пушкинский мотив поныне жив:*

*«Когда народы, распри позабыв,
В единую семью соединятся».*

- Потому что прожить семь с лишним десятилетий и половину жизни состоять в правящей партии – это непросто. И работать всю жизнь хорошо, ударно, вкладывая в это свою душу – это чего-то стоит.

И это не просто ностальгия по тем временам, которые есть часть жизни. Её не отбросишь, как ящерица – хвост. В этом, скорее всего, корни того, что человек имеет право сказать: «А у нас было лучше!»

К 1 сентября 2014 года организовал поэт Скрёбов благотворительный концерт в поддержку детей беженцев из Донбасса.

Ныне же остался у Николая Михайловича в Киеве внук. Внук, который не смог приехать на похороны дедушки – Украина бы не пустила обратно.

***

Часть Украины, как и часть Ростовской области, – это Донбасс. Огромный, давно сложившийся исторически регион горняков. Забои, вереница терриконов...

В городе Шахты родился поэт Николай Скрёбов.

А просто на шахте, носящей гордое имя Максима Горького, таскал вагонетки Валентин Соколов:

*Век же в молчании прячется,
В чёрном молчании сводов.
Сердцу поётся и плачется
В шахте при слове «свобода».*

Он бы, может, занялся чем другим, но никуда на работу не брали. Потому что бывший зэк. И диссидент.

Энциклопедия характеризует таких, как *«отстаивающих взгляды, радикально расходящиеся с общепринятыми. Зачастую этот конфликт личных убеждений с господствующей доктриной приводит к гонениям, преследованиям и репрессиям со стороны официальных властей»*.

Почему люди становятся диссидентами?

Росли дети все в одной стране, ездили в лагерь, помогали взрослым. Мечтали стать лётчиками – до 60-х, после полёта Гагарина – космонавтами.

Хотели, чтобы приняли в октябрята, потом – в пионеры, потом – в комсомол. За детство счастливое наше спасибо, родная страна!

И многие абсолютно искренне хотели вступить в партию.

Не-диссиденту диссидента понять трудно.

Валя Соколов рос в самой обыкновенной рабочей семье. Нет никаких данных, что либо у родителей – какие претензии у власти были, либо у власти – к родителям.

Возможно, как-то повлияла на отношение парня к обществу война? В самом городе Лихославле немцев не было, но Калининская освободительная операция общеизвестна. Да и пришлось всё равно хлебнуть лихославцам – как труженикам тыла.

В 41-м Валентину было четырнадцать – не малолетка, всё понимал. Его сверстники стояли за станком. И партизанили.

Но он не хотел быть уже пионером:

*Не любил я жалкой поэзы
Пионерских прилипал.
И мальчишкой галстук-розу
На рубашку не цеплял...*

***

Что ж, есть в русской литературе такая немалая часть её, как лагерная проза и поэзия.

Судьба одних – Александра Солженицына, Варлама Шаламова, Леонида Бородин – сложилась так, что они нашли своего читателя вне зоны. Но есть и такие, чьё творчество – это советские лагеря. И читатели – такие же заключённые, как и сами авторы.

Поэт Валентин Петрович Соколов. Сначала заговорили об этом имени на Западе, с началом перестройки стали упоминать и у нас. Очень высоко отзывались те же Бородин и Солженицын.

Критик Александра Истогина отмечала:

- У Соколова не было ни стола, ни архива – он раздаривал стихи, они переписывались, запомнились, пересылались на волю, так или иначе распространялись, хранились.

Его называли *«вечным зэком»* и *«королём поэтов ГУЛАГа»*, недаром избравшим себе псевдоним *«Валентин Зэка»* или *«З/К»*. Некоторые современники даже объявили его *«патриархом ГУЛАГской поэзии»*.

*Я тоже поэт, только вовсе не ваш,
Не преданный вам лицемер!
Свободно, размашисто мой карандаш
Описывает СССР.*

Зона стала и жизнью, и судьбой Валентина Петровича:

*Ты душе глоток озона,
Здравствуй, зона,*

поскольку в другом, обыденном мире настоящей для него свободы не существовало:

*В тюрьму попал за ненависть к порядку.
К порядку, не дававшему мне жить...*

Первая книга, «Глоток озона» – сборничек в двести стихотворений – вышла через двенадцать лет после его смерти. Позднее в «деле Соколова» нашли ещё триста.

С конца 80-х поэтические подборки Валентина Зэка и материалы о нём появляются в центральной прессе – в «Литературной России», «Театральной жизни», «Вопросах литературы».

16 мая 1990 года Президиум Верховного суда РСФСР Валентина Петровича Соколова реабилитировал.

Через год по Центральному телевидению показали о нём документальный фильм.

Поэт Андрей Дмитриевич Дементьев посвятил своему земляку стихи. Как поклон.

***

Валентин Соколов на пять лет старше Николая Скрёбова. А Скрёбов – на пять лет старше Виктора Мережко.

И снова – Украина. И Скрёбов, и Мережко получали в этой Советской республике высшее образование.

Виктор Мережко. Известный сценарист, кинорежиссёр, драматург, актёр, писатель, телеведущий. Народный артист Российской Федерации.

Рассказывал, что самым счастливым почувствовал себя после того, как узнал реакцию своих родителей на свою первую ленту – короткометражку «Зареченские женихи».

Когда начался фильм и в титрах появилась крупная надпись «сценарий Виктора Мережко», отец расплакался. За ним и мама. Так весь фильм и проплакали.

А фильм-то смешной, комедия, в главной роли – сам Евгений Павлович Леонов.

Критики пишут, что все его фильмы – про людей! Он поправляет:

- Не «про людей», а про женщину, а это – сверхчеловек. Женщина живёт непостижимой и загадочной жизнью: сердечной, эмоциональной, импульсивной. И это традиция русской литературы и русского кинематографа – снимать и писать про душу человека.

Его и называют «знаток женской души».

- Мужская логика тоже, конечно, заводит далеко... Но всё-таки это логика, можно просчитать, а импульс – никогда. Героиня ведёт себя так, что даже ты, автор, не всегда понимаешь, почему она так поступила...

И как ни банально прозвучит, спасение России – в женщине! В Россию должна прийти мудрая женщина, такая как Екатерина Великая.

Показатель любого общества – красота женщин. Наши – самые красивые в мире, значит, общество не погибло.

Но! Насколько женщина может помогать в творчестве, настолько способна и мешать. Любовь может оказаться губительной, если мужчина не стремится постоянно восторгать женщину своей работой, творчеством, карьерой.

***

О Мережко говорят: всегда элегантный, собранный, в фирме чудесного парфюма, улыбающийся, предупредительный спортсмен.

В одном из интервью на вопрос «*соответствует ли он образу мачо*», ответил:

- *Я и есть мачо!*

О себе Виктор Иванович, вообще, всегда отзывается весело:

- *В юности был нахальный, со вторым разрядом по боксу, пёр по жизни напролом, как танк.*

А как-то удалось первокурснику ВГИКа попасть на встречу Нового года в Дом кино.

Уже изрядно навстречавшимся и, потому, очень смелым, подошёл он к столику, где сидели живые классики – Григорий Чухрай, Сергей Герасимов, Валентин Ежов.

Подошёл и выдал:

- *Вы, конечно, гении, великие и знаменитые, и меня не знаете. Но запомните: моя фамилия – Мережко, зовут Виктор. Студент сценарного факультета. Так вот знайте: пройдёт немного лет, и я стану таким же известным. Вы поняли меня?!*

Гении согласно покивали и объяснили, по какому адресу будущей известности отправляться дальше...

***

Валентин Соколов.

Николай Скрёбов.

Виктор Мережко.

Разные социальные слои.

Разные жизненные пути.

Разные темпераменты.

Разные мировоззрения.

Но всё вместе – и Донбасс, и война, и ВГИК, и зона, и сложное детство, и литобъединение «Созвучие» – и есть то самое «золотое сечение» русской литературы.

Так что, давайте припомним, что знаем о них, наших донских литераторах.

Припомним.

От начала до конца.

***

*

КИНО – ЭТО ИДЕОЛОГИЯ

*Сближаем мы
грядущее с былым –
Как будто детства дым...*

Николай Зиновьев

Пацаном ещё прочитал он «Остров сокровищ». И безумно захотелось иметь такого же попугая, как у Флинта! Но позволить себе подобную роскошь сумел Витя Мережко, лишь став уже относительно известным.

Поехал на птичий рынок и купил за тысячу двести попугайку Ксению! Большую умницу – воспроизводит практически любой звук. Хоть сигнал авто, хоть собачий лай, хоть кошачье мурлыканье. И без акцента!

Виктор Иванович очень гордится этой своей «болтушкой Ксюшкой».

Ещё один предмет для гордости – коллекция холодного оружия. Такая своеобразная энергия красоты и достоинства. И у каждого экспоната своя история. Есть мечи, к примеру, принадлежавшие когда-то Гельмуту Колю.

А о самом себе как о сценаристе говорит Мережко так:

- Главное, по-моему, Юрий Олеша сказал: ни дня без строчки. Я не могу не работать. Я никуда не езжу отдыхать – не люблю. Дачу сожгли... вот пытаюсь восстановить. А так – нужно работать и работать.

Когда я работаю, я свободен. Счастье, когда написал хороший сценарий и начинаю его снимать. И счастье – когда я вижу своих двоих детей.

***

А когда в далёкой молодости решил податься в сценаристы, родители расстроились. Отец, вообще, смириться не мог:

- Вить! У тебя ж профессия – ин-же-нер, а ты дурью маешься!

Сын не сдавался:

- Пап, вы поймите, это очень хорошее занятие...

Потом-то Иван Севастьянович и Александра Ефимовна сыновьями гордились. Средний, Виктор, – знаменитый кинодеятель.

Старший Владимир – окончил военное училище, был блестяще эрудирован, профессионально занимался боксом. Но удача на ринге переменчива, Владимира комиссовали. Начались запои. Семья не сложилась. В итоге погиб.

И фильм по сценарию брата среднего – «Полёты во сне и наяву» – во многом о брате старшем. О возрасте, когда многое уже достигнуто, но прежние ценности часто теряют своё значение – Олегу Янковскому удалось создать именно такое мироощущение.

И исполнитель главной роли, и автор сценария удостоены Государственной премии СССР.

А герой «Полётов...» совсем запутался, и, возможно, его настрой лучше всего передаёт культовая песня:

*Меня любовь
Оторвала от суеты...
Пусть людям крыльев не дано,
Но так легко моим плечам!
Уже зовёт меня в полёт
Мой дельтаплан!
Меж нами – памяти туман...*

Текст для этой, великолепно исполненной Валерием Леонтьевым, композиции поэт Николай Николаевич Зиновьев написал на уже готовые ноты.

А ноты – это музыкальная тема композитора Эдуарда Николаевича Артемьева к фильму «Родня».

***

После «Здравствуй и прощай» и «Трын-травы», снятых по мерезжковским сценариям, к молодому автору обратился с предложением о совместной работе Григорий Чухрай.

Виктор Иванович (повзрослевший уже и в знаменитости не метивший!) рассказывал, что просто тогда чуть дар речи не потерял: сам великий Чухрай, снявший великие фильмы «Баллада о солдате», «Чистое небо»!

Григорий Наумович предложил написать о фанатичной материнской любви, погубившей сына. Показал вырезки из газет. И сказал:

- Пиши на Мордюкову – это великая артистка!

Так появилась «Трясина».

На съёмках Нонна Викторовна вымоталась донельзя – роль тяжелейшая. Действительно, сыграть такую судьбу эмоционально невероятно тяжело: крестьянка, потерявшая на войне мужа и старшего сына, решает уберечь от смерти младшего и годами прячет на чердаке.

Сцена, когда героиня вырывает пытавшегося повеситься сына из петли, закончилась для актрисы чуть ли не реанимацией.

И по завершении работы актриса потребовала от сценариста комедийную роль!

Сценарист долго возился, откладывал, снова начинал, но, в конце концов, худсовет получил материал под названием «Была не была». Мордюкова пришла в восторг! Режиссёрское кресло занял Никита Михалков. И он же дал новый заголовок.

Так появилась культовая «Родня».

Основная часть фильма снята в Днепропетровске – там жил младший брат сценариста, Юрий Иванович. Сценарий старшего прочитал – и решил, что это просто об его городе! И режиссёр согласился.

Юрий Мережко – ещё одна родительская гордость: профессор и член-корреспондент Украинской Академии наук.

***

*- История Мордюковой из «Родни» с тещи моей списана, - делился воспоминаниями сценарист.
- Колоритная была женщина. Домохозяйка, но умела ловко торговать, перепродавать и зарабатывать хорошие деньги. А её первый муж, которого она безумно любила всю жизнь, был военным лётчиком – женившись на дочери генерала, жил в Москве.*

У самого же Виктора – один брак. Женился на втором курсе ВГИКа. И не на перспективной москвичке – с квартирой, пропиской и связями, – а отправился на Дон. Свататься к ростовчанке.

Со своей Тамарой он познакомился, когда ему было двадцать пять, а ей – на десять меньше. Сначала красивый роман, потом тридцать лет счастливой семейной жизни. С сыном Ваней и дочкой Машей.

Чего только не пережила Тамара Вадимовна! Она училась в Ростовском госуниверситете на биофаке и ехать в столицу отказывалась.

В столице-то – ничего: ни жилья, ни денег. Лишь святая вера молодого супруга, что только там сможет сделать он прорыв в своей профессии.

И пришлось молодой супруге переводиться на заочное. И разделять эту небогатую, зато весёлую киножизнь. Жили в долг, но да, очень повезло с тещей – помогала всеми силами и квартиру в итоге сделала.

Правда, ради той, всего лишь однокомнатной и очень далёкой от центра, квартирki пришлось с Тамарой развестись. Дабы жениться снова, на год, фиктивно.

ВГИКовский выпускник пытался пробиться на студии, но везде получал отказ. Так и жили ещё три года – без прописки, без работы, без денег и без перспективы. Зато уже с сыном.

Помогли тогда критик Вайсфельд и драматург Брагинский: Мережко получил заказ на «Ленфильме», и по его сценарию через год там сделали картину, замеченную взыскательной критикой!

Это лента «Здравствуй и прощай». В образе главной героини автор постарался передать характер своей матери.

И с тех пор без работы не сидел:

- Я много писал, заключал договоры с киностудиями, по моим сценариям повсюду снимались фильмы. В итоге я стал самым богатым киносценаристом. Нет, наверное, всё же вторым по богатству – богаче меня был только Володарский.

К моменту, когда у всего советского народа сгорели деньги в сберкассах, у меня на книжке точно так же полыхнули синим пламенем 157 тысяч.

***

По сценариям Виктора Мережко сделано полсотни фильмов. Мы с удовольствием смотрели «Забавы молодых», «Уходя – уходи», «Одинокая женщина желает познакомиться», «Аплодисменты, аплодисменты...», «Вас ожидает гражданка Никанорова».

И пьесы его – «Пролетарская мельница счастья», «Крик», «Женский стол в охотничьем зале» – получили широкую известность и идут во многих театрах. А «Ночные забавы» в Вильнюсе установили даже определённый рекорд – шли двенадцать лет!

Виктор Иванович работает не только для взрослой аудитории, юное поколение тоже любит его истории. Это мультфильмы «Василиса Прекрасная», «Медведь – липовая нога», «Лиса Патрикеевна».

А японцы пригласили сделать весёлые «Приключения пингвинёнка Лоло»:

- Я работал с хорошими режиссёрами и получал от этого огромное удовольствие. Брал сказку и, не меняя сюжета, свободно фантазировал – придумывал смешные диалоги, сюжетные ходы, и в результате получались очень хорошие мультики.

Хотя, конечно же, в творчестве любого автора не только тишь да гладь, присутствуют и минусы. Далеко не все зрители приняли телесериал «Сонька – золотая ручка».

Сценарист, понятное дело, образ облагородил и набросил романтическую вуаль. К тому же, сам перевоплотился в криминального авторитета Мамаю. Но отрицательных отзывов достаточно.

«Сколько можно тратить деньги на безжалостную воровку!»

«Чему вы учите молодёжь?!»

«Воровство и разврат! Позор!»

Зато позвонил киношному криминальному авторитету авторитет криминальный реальный – один из тюремных завсегдатаев – и пообещал, что, «если с вами что-то случится и вы или ваши близкие окажетесь на зоне, будете там на особом счету, помните: мы внесли вас в почётный список».

Так что, видимо, хоть и про воровку, но всё равно снято талантливо.

Но на одном таланте далеко не уедешь, нужно уметь терпеть и работать. И добиваться поставленной цели.

***

Будущий известный кинодеятель родился 22 июля 1937 года в Ростовской области, хутор Ольгенфельд. Точнее, немецкая колония – «колонка» Ольгенфельд, что в переводе с немецкого означает «Ольгино поле». Названа, по легенде, в честь какой-то бывшей владелицы (возможно – из баронов Энгельгардтов).

Родители работали на молочной ферме. Но постоянного жилья не было. Следы семьи Мережко можно найти и на Ставрополье, и на Кубани, и в Северной Осетии.

- Мотало по стране из-за отца. Колоритный был мужик – высокий, поджарый, настоящий казак, из донских. По характеру неуправляемый, разудалый, горячий. И слишком влюбчивый. Как только в связи с этим начинался очередной скандал – допустим, муж соблазнённой приходил к отцу устроить мордобой, – из села семейству нашему приходилось съезжать...

И ещё отец очень не любил Сталина и не скрывал этого. Мама всегда говорила ему: «Иван, не трепи языком!» А он как выпьет, так удержаться уже не может. Он не был алкоголиком, но выпить очень любил и в такие минуты становился просто неуправляемым.

В судьбе Ивана Севастьяновича и Александры Ефимовны Мережко счастья было немного. Отец попал в плен, но не в концлагерь, а на какой-то завод в германском тылу. В семье считали, что пропал без вести.

А он сумел бежать. Раненый добирался через Польшу. Долго скрывался, чтобы и на родине в лагерь не попасть. Но каким-то чудом сумели родители достать новые документы.

- Отец инвалид. Четверо детей: три брата и сестра Нина, больная от рождения, и ей требовался уход. Так что маме доставалось. Непростая была жизнь. Денег не было, голодали.

В послевоенный год вообще не видели хлеба. Когда весной под забором появлялась первая зелень, мама нарезала крапивы, лебеды и варила нам супчик на воде. Когда первый раз появился хлеб, мы нарезали его на малюсенькие кусочки и сосали их, растягивая удовольствие...

Помню, отец мне привёз с фронта детский аккордеон, и я научился играть на нём краковяк, цыганочку. Как-то в очередной переезд мы проезжали Моздок. Мама говорит: «Возьми шапку, сядь под вокзалом, сыграй, что умеешь. Может, денежки будут». Я играл, и мне в шапку денежки кидали.

Наконец, осели на Украине, под Черкассами – сестра Александры Ефимовны отдала старый флигелёк. Местные чужаков не любили. Пришлось, чтобы как-то договариваться, учить украинский.

- Бабы причитали: «Глянь, кацапня до нас приехали! Боже ж мой, що ж такие нищие?! А одеты-то? Вона, у жинки всего две спидниці, одна – в огороде картоху копати, друга – в сельмаг иди за хлибом. Вымрут, мабуть, Мережки-то...»

А я мечтал стать артистом. Наверное, та нищенская жизнь подтолкнула. А ещё, когда приезжала кинопередвижка, я видел на экране другую жизнь. И та, другая, жизнь меня манила. Я из будки киномеханика не вылезал. Перематывал плёнку, нюхал её, поправлял кинопроектор. Был помощником киномеханика, куда бы мы ни переезжали. А ещё ходил в лес и представлял, что меня снимает камера...

И после школы Витя попытал счастья в Киевском политехе – подал документы на факультет киноинженеров. Но не поступил. И отправился южанин на север, на заработки, на Архангельский лесозавод. Жил в бараке с бичами. Случались и унижения, и драки, и своеобразная северная дружба.

А через пару лет Виктор вернулся на Украину. И теперь уже поступил – во Львовский полиграфический институт имени Ивана Фёдорова. Получив диплом, молодой инженер-технолог попросился на работу в родную Ростовскую область.

Но мысли о кино, о ВГИКе, не отпускали. Парня приняли в городскую любительскую киностудию, и в свободное время писал он простые сценарные истории. Но вопросы в них затрагивались совсем не простые. Даже в самых первых работах касался Мережко нравственных проблем современного общества.

Послал документы в Москву. Но получил отказ, так как выпускнику вуза необходимо было отработать обязательные три года.

Но казаки не сдаются! Через год Виктор снова посылает документы. И поступает. И как же горд был, когда увидел первые афиши тех своих, пусть и совсем короткометражных, «Зареченских женихов»! Автор-то – всего лишь второкурсник!

***

Всенародная же слава пришла к Виктору Ивановичу много позже. После выхода сериала «Провинциалы» – просто сыграл самого себя.

А первоначально на Центральном телевидении появился сценарист как создатель и ведущий программы «Шок». Мережко написал в «Советскую культуру» крайне острую по тем временам статью «Не понимаю!» с критикой окружающей жизни.

Статья получила широкий резонанс, и автору предложили делать на ЦТ злободневную программу. Дали поначалу зелёную улицу: и телевизор стал демонстрировать якобы не существующих проституток; повсеместное хамство; пассажиров, неделями ждущих своего поезда.

На четвертом выпуске «Шок» закрыли.

Потом Мережко вёл программу «Моё кино» на телеканале «ТВ-6 Москва» – стоял у истоков создания этого канала. Был первым вице-президентом Московской независимой вещательной корпорации и получил первую лицензию на вещание.

Много у него должностей: в 90-х руководил телекомпаниями «Каскад» и «Голдвидео» и программой «Колесо истории». Занимался созданием проекта «Поют звёзды театра и кино»: с экрана звучали для нас голоса Веры Васильевой, Александра Збруева, Натальи Варлей, Бориса Хмельницкого, Ларисы Голубкиной, Александра Михайлова.

А ещё Виктор Иванович вёл всесоюзно (даже после развала Союза!) любимую «Кинопанораму». Пришёл после Эльдара Рязанова. И поначалу реакция телезрителей была резко отрицательной: от ЦТ требовали *«убрать этого джинсового Мережко и вернуть Рязанова»*.

И реакция телена начальства была не лучше:

- Уберите эту бородатую морду! И пусть оденется по-человечески в костюм и галстук!

Но Эльдар Александрович не возвращался. А Виктор Иванович считал, что раз позвали, то пускай принимают таким, какой есть:

- Я ведь к этой своей работе телеведущего относился как к игрушке и забаве. Весь первый год меня пытались выгнать, но в итоге я вёл «Кинопанораму» целых семь лет!

***

И сегодня в рабочем портфеле Виктора Ивановича Мережко много удостоверений.

Секретарь Союза кинематографистов России и Москвы, член Союза писателей России. Председатель правления Дома кино. Один из основателей Киноакадемии «Ника» и её первый президент, ныне – почётный член её Совета. Один из организаторов кинофестиваля стран СНГ и Балтии «Киношок».

А совсем недавно возглавлял на Алтае жюри Шукшинского кинофестиваля. И многие представленные ленты восторга у мэтра, к сожалению, не вызвали:

- Ставятся слабые фильмы, потому что государство потеряло способность управлять кинематографом. Я – сторонник цензуры. В 30-е (можно по-разному к ним относиться) Сталин лично принимал каждую картину, понимая, что кино – это не столько искусство, сколько идеология.

При помощи кино в стране можно воспитывать новые поколения молодых людей.

Американцы сделали блистательный поворот к соцреализму. У них практически во всех фильмах всегда – положительный герой, порок наказан, свет побеждает тьму. Они взяли в основу своих картин формулу нашего соцреализма.

А у наших молодых кинематографистов вижу только невероятную амбициозность, шумливость и нежелание понять и проникнуться традициями русского кино – довоенного, послевоенного, 60-80-х. Им это неинтересно. Они думают, что открывают кинематограф, а он давно уже открыт.

Нужно, чтобы не опозориться, уметь хорошо, а может, даже лучше делать то, что уже сделано до тебя.

Главный недостаток многих авторов современного кино – желание показать страну грязной, необразованной, теряющей моральный облик. Есть фильмы, которые вызывают просто отвращение!

А я не люблю, когда мой народ показывают свиноподобным, когда грязь, пьянство, проституция... Я против показа спивающихся людей, ничтожеств.

*Наша нация великая. Нас сколько в асфальт не закапывай, будут пробиваться росточки.
Россия не погибнет никогда!*

Но если конкурсный отбор оказался слабым и мало чем порадовал, то сам вояж оставил неизгладимое впечатление:

- Потрясли простота и доброта людей, невероятная красота просторов, богатые зерном, подсолнухами поля. Я думал, что еду по своей любимой Ростовской области. Не мог представить, что Алтай так близок к её природе!

***

Виктор Иванович Мережко никогда не забывал о своей любимой Ростовской области.

Ведь даже после окончания Львовского полиграффа он настоял на распределении домой. И работал инженером-технологом в издательстве областной газеты «Молот».

***

*

РАЗОРУЖЕНИЕ ЗЛА

*За право быть всегда самим собой
Плати всю жизнь по счёту.
И без счёта.*

Николай Скрёбов

В издательстве «Молота» работал и поэт Николай Скрёбов:

*Вовек не позабыть, как в утончённом стиле,
Во имя светлых дней блистая мастерством,
Отменно «Молотом» собратьев молотили,
А тем, кто подрастал, досталось и серпом.*

***

Прятели-журналисты называли Николая Михайловича «Загадкиным», «мистером Икс», «Христосиком». За непредсказуемость поступков. За смирение. И за защиту слабых и гонимых. За тихой улыбкой и доброжелательностью скрывался заступник униженных и оскорблённых.

Когда на писательских собраниях прорабатывали идейно незрелых (и старых, и молодых) – по сути, перекрывая им все дороги – на трибуну поднимался Скрёбов. Он говорил ровным спокойным голосом, но аргументы противников таяли.

Иногда правоту доказывал. Но чаще терпел поражения. И всё же его присутствие в конфликтных ситуациях имело сдерживающую силу.

Но, коли дело касалось принципиальных вопросов, обладал этот тихий улыбчивый интеллигент особой твёрдостью. Ходили в издательском деле целые легенды о том, как он – единственный в стране – заставил Центральную печать использовать букву «Ё».

Потому что он не Скребов, а Скрёбов!

А когда над его подчинёнными сгущались тучи за «идеологические просчёты», начальник сам отправлялся «на ковёр». И уходил с работы. В протест. В ущерб себе, своей карьере.

Так, из-за гонений на Виталия Семёина, Скрёбов закрыл за собой двери редакций журнала «Дон» и Ростовского телевидения.

Тогда же, кстати, на сёминский рассказ не дал добро и редактор «Нового мира» Александр Твардовский, только причина была иная: «*Публикация погубит парня, а писать иначе он не может*».

О жизни Виталия Николаевича Семёина рассказано в другом сборнике нашей библиотеки – «В зеркале детектива».

Позже Скрёбов скажет:

- *Благодаря Семёину делаю первые шаги на тропе войны со своим смолоду привычным конформизмом.*

А ведь Николай Михайлович работал какое-то время инструктором в Областном комитете партии! Конечно, считающие себя свободными от идеологии литераторы смотрели косо, но признавали, что «*он, конечно, порядочный человек*».

А он честно писал:

*Привычка – вторая натура,
а к власти привычка – вдвойне.
И слово «номенклатура» –
был грех – относилось ко мне.*

Правда, работа в обкоме, даже на рядовой должности, давала возможность получить жильё в удобном месте. А у Николая и Галины Скрёбовых, у каждого – второй брак. И трое детей. Её близнецы и его сын.

И приходилось Галине Семёновне перед работой развозить всю троицу – кого в садик, кого – в школу. А как работал наш общественный транспорт – не тайна!

А потом ещё родилась дочка, Наташа. Папа учил детей читать – по диафильмам, не по азбуке. А по вечерам гуляли все с любимым пёсиком Музиком.

Жену называл Николай Михайлович любовью и радостью всей жизни. И посвящал дивные строки:

*И пусть в предоцущении заката
Всё чаще сердце бьётся виновато
Под бременем незавершённых дел!
Оно уже хотя бы тем богато,
Что отдал я его тебе когда-то.
И забирать назад не захотел.*

***

*Ах, неужели это вправду было –
Меня созданье нежное любило,
Моим несовершенствам вопреки!*

***

*Было так со многими, наверное,
Было и со мной уже не раз:
Вспыхивает искорка мгновенная
В сердце от огня случайных глаз.*

***

*Превыше всех желание – предвидеть,
Как женщину случайно не обидеть, –
Простое, как желание дышать.*

Но и эта радость – была и опечаленной. Галина Семёновна долго болела.

А потом погиб сын Миша – очень талантливый парень. Как и папа, прекрасно разбирался в поэзии. Резчик-виртуоз – вытачивал из дерева конские сёдла. Занимался Михаил профессионально лепкой. И очень легко росли у него бонсайчики.

Так что, путь розами – у обкомовского работника Скрёбова – усыпан не был.

***

Как поэт – успел он сказать много. И о женщинах, и о друзьях, и о красоте южного края. А главное – сказал это многое – великолепным слогом сонета. Николай Михайлович – безоговорочно признанный мастер этой прекрасной традиционной поэтической формы:

*Гроза прошла. Как будто искупая
Её последний, отдалённый звук,
Простёрся семицветный полукруг,
Над берегом полнеба огибая.*

*Простор лучам весёлым уступая,
Теснятся тучи за море, на юг,
И, торопливо отряхнув испуг,
Крикливо чистит перья птичья стая.*

*И снова даль светлее бирюзы,
Как будто вовсе не было грозы,
И силы непогоды иссякают.*

*Тревоги пчёл и бабочек стихают,
И только две дождинки, две слезы
Всё ждут чего-то, всё не высыхают...*

Строки просто сказочные! Но ведь и прозу поэта читать не менее интересно, чем его стихи. Тем более, если она очень поэтична.

- В детстве мир представляется гармоничным, созданным для радости и потому особенно дорогим. В моём раннем, ещё довоенном детстве было два понятия, которыми уравновешивалась эта, как теперь стало ясно, призрачная гармония. Бог и враг.

Божий промысел был мне ясен своей созидательной, человеколюбивой сутью. Спаситель непременно спасёт, если будешь послушен, терпелив, добродетелен. Получалось, что всё зависит от самого тебя!

«Чти отца своего и мать свою и долголетен будешь на земле» – кажется, пятая заповедь Христа была первой запомнившейся мне наизусть...

А вот промысел вражий настолько был многолик, что детскому воображению не удавалось как-то его обобщить. Сказочный образ врага был откровенно зол, жесток, но всё-таки не всесилен – его побеждали мои любимые герои.

Плакатный враг был со звериным оскалом, он пугал, но выглядел при этом и смешным, и обречённым.

В крупных газетных заголовках, строгих голосах дикторов и разговорах старших об Испании, о боях на Дальнем Востоке всё крупнее вырисовывался враг, с которым рано или поздно придётся воевать: «Если завтра война, если враг нападёт, если тёмная сила нагрянет...»

Какие песни всплывают в памяти при одном упоминании о том времени! «Пусть бандиты-ухари поднимают вой – командарму Блюхеру бить их не впервой...», «Не скосить нас саблей острой, вражеской пулей не убить, мы врага встречаем просто: били, бьём и будем бить!»...

«Бомбовозам вражеским не реять над страной, где наш народ живёт...», «Если надо, Кокки-наки долетит до Нагасаки и покажет самураям, где зимуют раки!»

Особенно врезался в память припев песни, с которой шагали мимо нашего дома осоавиахимовцы с деревянными винтовками: «Мы за око вышибем два ока, а за зуб – всю челюсть разобьём!»

***

Коля Скрёбов появился на свет 24 сентября 1932 года в Шахтах – донбасском городе угольщиков, куда волею судьбы попали его родители.

*На карте Ростовской области
Есть город шахтёрской доблести...*

И, став уже известным поэтом, Николай Михайлович никогда не забывал свою малую родину.

А первый сборник молодого Скрёбова, «Любимый цвет», вышел в 61-м, и уже в следующем году автора приняли в Союз писателей страны. Всего опубликовано более двадцати книг – и в Ростове, и в Москве.

Названия у сборников неслучайные – «Эпоха бережной любви», «Корень добра», «Родство». А ещё он, родившийся осенью, не мог не создать книгу «Сентябрь».

Любил осень. Как и Александр Сергеевич.

Донской поэт говорил, что всю жизнь не переставал восхищаться гением великих имён Александра Пушкина и Михаила Лермонтова. А из современников особенно почитал Константина Симонова.

***

Стихи начали складываться рано. Коля попадает на Областной слёт юных литераторов. Литераторы выступали во Дворце пионеров, и именно на Скрёбова обратил внимание Вениамин Жак.

Коля писал и стихи, и заметки в городскую газету «Красный шахтёр». Так призвание и определилось: Николай Скрёбов поступает в Киевский университет имени Тараса Шевченко. В 56-м – долгожданный диплом журналиста.

Свою студенческую украинскую юность донской поэт никогда не забывал. Он любил Украину. Особенно, бывший тогда в пределах республики, Коктебель, Крым:

*Ты пушкинскую Музу волновал,
Тебя Мицкевич воспевал в сонетах,
Ты Лесю Украинку вдохновлял –
Неужто вновь нуждаешься в поэтах?*

*А если нет – зачем же этот блеск,
Простёртый до невидимых пределов,
И зелень, и дворцы, и нежный плеск,*

И синева, лишённая пробелов?..

*Ведь это всё – поэзия сама!
Пиши ли, не пиши – она пребудет.
Уеду прочь, умру, сойду с ума –
Она в других мечту мою пробудит.*

*Стократ воспетый, ты неповторим,
О баловень поэтов, Южный Крым!*

В Киевском университете надо было говорить на мове. Николай Михайлович прекрасно её знал, и потому его переводы украинских авторов считаются наиболее удачными и близкими к оригиналу.

А ещё переводил стихи поэтов Северного Кавказа и Болгарии. С журналисткой Ниной Пачевой издал на русском три повести болгарского писателя Николая Мизийски: «Жёлтая маска», «Трио «Тринидад», «Я на Марсе».

А ещё писал и детские книжки: «Только вместе», «Толстопятые друзья», «Под беспокойною звездой».

После Киева молодой специалист становится сотрудником Каменской областной газеты «Ленинское знамя». Но Каменскую область вскоре упразднили, и Скрёбова переводят в «Молот».

Он сочиняет очерки, рецензии, эссе. Параллельно преподаёт теорию и практику печати в РГУ. Но всё свободное время (хотя его и крайне мало) отдано лире. И в стихах своих пишет об отце, о шахтёрах, о сверстниках, о Гражданской и об Отечественной.

И о собственном мироощущении. Ещё в 54-м признался молодой автор своим читателям:

*Даже самого лёгкого слова
Я на ветер бросать не хочу.*

Он считал, что:

*Душа уполномочена страдать
Не за себя, а за другую душу.*

***

Николай Михайлович Скрёбов. Пример безупречной репутации, как говорили – «подлинный аристократизм духа».

Общая культура и тактичность, редкостная эрудиция и энциклопедическая память, профессионализм во всяком избранном деле и неподражаемый артистизм – так отзываются все его собеседники. И даже те, кто знаком был лишь поверхностно.

Этот загадочный мистер Икс всегда вызывал восхищение – блестящими остротами, удачными цитатами, твёрдой гражданской позицией. Но более всего – умением и желанием помогать людям.

Старался сохранить память о донских писателях. Беспокоился об остатках тиража Павла Шестакова для библиотек.

Входил в редакционный совет краеведческого альманаха «Донской временник». И был, наверное, последним человеком, досконально знавшим литературную жизнь старого Ростова.

А общероссийский слушатель наверняка запомнил поэта Скрёбова по литературным передачам: не раз приглашал его в свою программу «Три сюжета» Александр Кукес.

И в одной из бесед Николай Михайлович коснулся вечной, но всегда животрепещущей темы – борьбы добра со злом:

- Мне кажется, разоружение зла – главная задача поэта. Насмешкой ли, улыбкой – пусть даже робкой и, казалось бы, беспомощной. Или гневным порицанием, публицистическим обличением – чем угодно! Поэт обязан, нет, не обязан, а просто не может не чувствовать себя звёнышком в цепочке добра...

Поэзия прямо или косвенно стремится к благодати – в этом проявляется её родство с душевным целительством. Благополучие – сомнительный критерий для судьбы поэта. Вера Инбер, например, писала: «когда нам по-настоящему плохо, мы хорошие пишем стихи».

А сам писал так:

*Не хочу ради лёгкой жизни
полегоньку тлеть и чадить.
Пусть меня назовут на тризне
не умевшим себя щадить.*

И отпуск Скрёбов понимал как работу и всегда тащил с собой в благословенные черноморские края тяжёлую пишущую машинку старого образца, чтобы через месяц привезти в Ростов новые стихи.

- Меня моя работа любит... - улыбался он своим читателям – ведь наверняка все помнят известную поговорку о тех, кого же, конкретно, любит работа!

*А как работать хочется – до дрожи!
И чем короче время, тем дороже...*

Однако, как бы ни торопило время, как бы ни мучила мысль, что «дом добра всё не достроен», донской поэт всегда считал, что, если не пишется – так и не пиши:

*Пока душа не запоёт,
Храни почтение к безмолвию,
Не посылай строку в полёт,
На что тебе гроза без молнии?*

Скрёбовская душа пела.

Лирика Николая Михайловича – необыкновенно музыкальна, и вполне естественно, что на его стихи написаны десятки песен. Они звучали и в спектаклях Ростовского ТЮЗа – поэт инсценировал роман Николая Островского «Рождённые бурей» и повесть Мизийски «Жёлтая маска».

А в 1974 году Театр вынес на суд зрителя ещё один спектакль – по пьесе Леонида Жуховицкого «Орфей, или Три дня из жизни Ричарда Тишкова».

Со сцены – в замечательном исполнении замечательного актёра Аристарха Ливанова – звучали песни, тоже скрёбовские. Как нельзя к месту и ко времени:

*Хочу иметь хорошего врага
и не хочу иметь плохого друга.*

- Благодаря Юрию Ерёмину, работавшему главным режиссёром Ростовского ТЮЗа, я оказался причастным к созданию песен для спектаклей.

ТЮЗ давно стал Академическим молодёжным театром, Ерёмин давно работает в Москве и ставит спектакли на зарубежных сценах, а тексты тех песен давно вошли в мои сборники просто как стихи. Но время было для меня счастливым.

*Завлит, завлиту, о завлите...
Портреты – в профиль и анфас...*

*А я в восьмом ряду. Я зритель.
И я смотрю, смотрю на Вас.*

*Вы Мельпоменою влекомы,
Я – раб житейской суеты,
Но почему мне так знакомы
Все Ваши милые черты?*

*Могу при всём честном Ростове
Признаться искренне сейчас,
Что я задолго до застоя
Подозревал, что знаю Вас.*

*Вы мне дарили вдохновенье,
Вводили в мир прелестных Муз...
Я помню чудное мгновенье,
Когда пришёл впервые в ТЮЗ...*

*Святое творческое бремя
Влачил и я, как мог, с трудом...
Да, были люди в наше время,
Но дело, видите ль, не в том.*

*Не для того, чтоб мир забавить,
Пишу собранье пёстрых строк.
Я Вас люблю. К чему лукавить?
Я лучше выдумать не мог!*

Но театральной дружбой поэт не ограничивался.
Слово композитору Сергею Халаимову:

*- Был объявлен конкурс на тему «Последняя осень XX века». У Скрёбова получилось лучше всех.
И я положил это стихотворение на музыку. Этот романс прозвучал на радио в последний день
последней осени XX века. Романс не стал одноразовым – мы исполняем его в концертах до сих
пор.*

***

Что ж, правду говорят: талантливый человек талантлив во всем. А этот талантливый человек – ещё и отец донских стихотворцев. Шестьдесят лет работал он с молодыми. Десятки, сотни – рекомендаций, редакций, предисловий к первым книжкам.

В своих литературных пристрастиях поэт Скрёбов удивительным образом был со всеми ровен. Всегда признавал какие-то неожиданные лингвистические находки и мог дать очень точный анализ. И терпеливо относился ко всем начинающим.

Но если начинающий оказывался совсем уж бездарен, Николай Михайлович – иной раз, даже и не сказав ни единого слова – корректно давал понять, что всё. Продолжать не надо.

В 1995 году открыли так долго возводимую Донскую публичную библиотеку. И сотрудники сразу же решили: должен быть свой клуб!

Новое литературное сообщество предлагают возглавить Николаю Михайловичу. А он предлагает название: «Созвучие». И принципы – четыре «Д»: добровольность, доброжелательность, добросовестность, добропорядочность.

И на встречах литобъединения регулярно читает студийцам блестящие лекции по стихосложению. То есть – трудился не просто как организатор, но и как высококлассный преподаватель. Реально, но ненавязчиво учил взрослых любителей сочинительства писать литературно грамотно.

Но «Созвучие» никак не мешало Николаю Михайловичу поддерживать своим вниманием и другие читательские клубы: «Дон», «Окраину», «Ростсельмаш», а также студийцев из Таганрога, Чалтыря и родных Шахт.

Среди скрёбовских учеников сегодня – и профессора, и доктора наук, и академики. Не все стали поэтами. Но все помнят добрые напутственные слова.

А над самим собой он мог и поиронизировать:

- Ну, какой я поэт! Просто журналист, пишущий стихи...

Или так:

*Ты прости меня, Господь,
Грешен я, конечно.
Не безгрешна моя плоть,
Мысли не безгрешны.*

*Только Ты меня прости
И скости немного:
Грех гнездится во плоти,
А она – от Бога.*

Подтрунивал и над тем, что был хроническим отличником. Но отличия-то все достигались совсем не просто!

- Сколько помню себя, всегда приходилось перенапрягаться, чтобы не отстать. Удавалось это, по-моему, благодаря суровости жизни, выпавшей на долю моего поколения.

Суровость жизни, выпавшая на долю его поколения – это тема военного детства, когда приходилось очень быстро взрослеть:

*Детство для нас оборвалось внезапно,
в тот день, когда черным-черна
мой город окатила залпом
в Донбасс пришедшая война.*

А как тонко рассказал он нам о той эйфории, о том счастье мирных дней, в стихотворении «Февраль сорок шестого»! Это первая послевоенная зима.

*А если есть на солнце пятна,
Ты постарайся их стереть.
М. Светлов*

*Весенний дух уже витает
В полузабытом феврале,
И снег послевоенный тает
На бедной глинистой земле.*

*Над этим снегом ноздреватым,
Над раскисающим ледком
Уже не пахнет кисловатым
Пироксилиновым дымком.*

Добыв с трудом ведёрко штыба,

*Несу в холодный уют...
А по талонам «мясо-рыба»
Ещё тушёнку выдают.*

*Ещё плакат висит в культмаге,
На коем, Гитлера прижав,
Смыкаются древками флаги
Союзных доблестных держав.*

*Трепецуют ярких вспышек блики –
Трамвай проносится, звеня...
Генералиссимус великий
Посматривает на меня.*

*А мне тринадцать с половиной,
Дётся трудно пятый класс,
Но счастье мирное – лавиной
Уже обрушилось на нас.*

*Для нас водой артезианской
Промыты стёклышки надежд,
И лишь задачник Березанской
Изобличает в нас невежд...*

*Для нас – и «Джордж из Динки-джаза»,
И «Джунгли», и «Багдадский вор»,
И смотрим по четыре раза,
И спорим... Да о чём там спор!*

*Всё ясно, просто и понятно:
Дерёмся, миримся, растём.
А если есть на солнце пятна,
Дотянемся – и их сотрём!*

*Всё принимается на веру,
В грядущих днях сомнений нет.
И столбиком – пример к примеру –
Я подгоняю под ответ.*

В дальнейшем Николай Скрёбов не раз будет возвращаться к военной теме:

*Если бы обессилел
Ваш источник огня,
Не было бы России,
Не было бы меня.*

*И вечного пламени блики
Поведают павшим рассказ
О том, как их подвиг Великий –
Великими делает нас.*

А вот такой он видит свою Родину:

*Я даже не пробую
Лучших слов подыскать,
Что достойны тебя:*

*Ты простая,
Святая,
Суровая,
Добрая.*

***

Не стало Николая Скрёбова 3 марта 2015 года.
На следующий день в России открыли Год литературы.
Собравшиеся на вечере памяти говорили – без его поэзии мир станет другим.
И заменить его в «Созвучии» – некем.

***

Николай Михайлович признавался в грехе «номенклатуры» и «конформизма».
Читаем у него и другое признание:
*- В тех условиях нужна была огромная интеллектуальная энергия, способная преодолеть взлеянную с дошкольного возраста преданность существующему строю, неотделимому от личности Сталина, разрушить неприступную крепость шаблонного мышления.
Такой энергией ни я, ни моё окружение в старших классах не обладали.*

...Конечно же, говорю не обо всём поколении. Поскольку теперь-то известно, что были и сомневающиеся в догмах, и сопротивляющиеся духовному насилию над молодым сознанием.

***

*

СТРАДАНИЙ ГОРЬКИХ ЧАША

*Сколько гениальных строк,
В душах праведных родившись,
Получали тут же срок,
Чтоб пропасть в тюремных нишах.*

Андрей Дементьев

О том, какое впечатление оставляли соколовские строчки, наверное, точнее всех поведали нам такие же, как он, бывшие зэки – вот как раз те, «сопротивляющиеся духовному насилию над молодым сознанием».

Андрей Синявский:

- Я не знаю другого такого последовательного антисоветчика, как Соколов.

А это – Эдуард Кузнецов:

- Суть – его стихи и то, как он их читает: он ими живёт, он их выстрадал, они его кровь и боль, его голос дрожит, он задыхается... Я не мог не волноваться, слушая его.

И Борис Сосновский:

- Я заметил едва различимую надпись на оконном стекле. Нагнулся ниже. Да, это была надпись иглой по копоту. Ничего не поймёшь, но всё же...

*«А у ночи, ах, у ночи, ах, у ночи
Кто-то снова крошку счастья просит.
К чёрту зеркало! Как зло оно пророчит:
Буйным летом, жарким летом – осень...»*

Много я читал так называемых лагерных стихов, но это было нечто другое. Строчки – звенели... Кто автор? Кто мог написать такое?.. Вскоре узнал, что эти стихи написал Валентин Соколов, великий лагерный поэт.

***

Из пятидесяти пяти лет своей жизни только двадцать Валентин Соколов провёл не на нарах и не в психушках. Куда попадал за стихи.

- Интересуются Соколовым многие. Шлют письма из Германии, Америки и Израиля, - рассказывал ещё один частый гость психиатрической клиники, новошахтинский художник Алексей Рамонов.

Собственно говоря, если бы не особенная страсть Алексея Алексеевича к горячительным напиткам, то многие факты из жизни Валентина Соколова до сих пор были бы неизвестны. Никто бы не знал, ни где похоронен, ни даже когда умер.

- Как человек пьющий, в 1989 году я попал в новошахтинский сумасшедший дом. Однажды врач мне и говорит: мол, у нас «лечились» не только художники, но и поэты. Так я узнал, что здесь был и Соколов...

А впервые я услышал это имя ещё в 1975 году из передачи «Голос Америки». Говорили, что Валентин З/К жил здесь. Но «Голос» глушили, и уверенности, что речь шла именно о нашем городе, а не о другом с названием на «ново», не было. Я опросил человек сто пятьдесят, никто в Новошахтинске Соколова не знал.

Художник не успокоился. Вылечившись, разыскал бывший дом поэта:

- Видно, бог всё-таки существует. Новый хозяин просто взял и положил тетрадки Соколова на шифоньер. Там они и пролежали до 1989 года. В тетрадках было двести пятьдесят стихотворений.

А вскоре попалась Алексею Рамонову телепрограмма Леонида Бородина о диссидентах. Упомянули и Соколова, но посетовали, что ничего почти о поэте этом неизвестно, возможно, погиб где-то в районе Донбасса.

Художник написал в Москву, на телевидении сразу откликнулись:

- Собирайте рукописи и приезжайте.

Через год Бородин и сам приехал в Новошахтинск, городская администрация отнеслась к визиту с опаской, но передача о Валентине З/К вышла.

Найденные Рамоновым стихи и составили большую часть будущей книжки «Глоток озона».

Но художник решил, что одного только сборника для памяти мало. Алексей Алексеевич собрал деньги на монумент – писал от руки объявления, развешивал по городу. И в конце 90-х памятник Валентину Соколову открыли.

Не раз подвергался памятник актам вандализма. Но в 2012-м стараниями бывших политзаключённых восстановлен.

***

Валя Соколов родился 24 августа 1927 года в городе Лихославле под Калинином (ныне – Тверь), в семье простых тружеников, отец – агроном, мать – буфетчица.

Образ родного города навсегда останется в его творчестве. Под монотонный вой злых северных метелей Валентин мысленно уносился в весенний родной Лихославль:

*По весне мой город моложавый
Прячется в зелёные шелка.
На бульварах зеленью кудрявой
Смотрятся берёзы в облака.*

О детстве поэта известно мало. Учился вместе с братом Юрой в школе при железной дороге, учился хорошо. Писать начал лет с десяти. Дни те он вспомнит не раз:

*Помнишь школу? Класс шумливый.
Шаг с припрыжкой на ходу.
И желтеющие сливы
В нашем маленьком саду...*

Юная биография начиналась обыкновенно. Продолжение последовало иное.

Русский язык и литературу будущему поэту преподавала недавно вернувшаяся из эмиграции Нина Панэ – внучка Ольги Сергеевны Павлицевой, сестры Александра Пушкина. Возможно, именно взгляды Нины Иосифовны оказали влияние на формирование будущего поэта:

*У нас в душе над Лениным и Сталиным
Стоял Тургенев, Пушкин и Толстой...*

После школы (как говорили, лишь ради отсрочки от армии) выпускник поступает на подготовительное отделение Московского института стали и сплавов. В вузе хорошо писались стихи. Зато совсем не давалась математика, и пришлось-таки брать в руки автомат.

- Эх, посадят тебя, Валентин, когда-нибудь за стихи, - вздыхал отец. И оказался очень прав.

В советской армии порядки были строгими, а боец отказался участвовать в выборах! Бунтаря обыскали и нашли тетрадку с совсем не советскими стихами.

Так, двадцати годов от роду, получил он свой первый срок – десять лет исправительно-трудовых лагерей. С поражением в правах на пять лет.

*Я виноват был в очень странном смысле:
В тюрьму попал за пару дерзких слов,
За пару дерзких откровенных мыслей,
За лозунг против правящих ослов.*

Все армейские стихи после закрытия дела были за ненадобностью уничтожены, а сам стихотворец отправился в Воркуту. Но через три года отпущен по очередной амнистии.

Вот в том лагере Валентин впервые оказался среди людей, оценивших его талант.

Один из тогдашних сокамерников вспоминал:

- Полутёмный барак, некрашенный щербатый стол, посередине – банка горячего чифиря, и вокруг несколько лагерников в шапках и без них, в замызганных рваных бушлатах.

Валентин был как все, казался простым, но что-то выделяло его из среды эков, какое-то благородство движений и интонаций глубокого глуховатого голоса... Всегда отзывался читать стихи и читал помногу, щедро...

В авторской декламации стихи его производили просто завораживающее впечатление. Это было какое-то колдовство звуков, образов, колдовство какой-то изобретённой Валентином своей

поэтической ритмики. Поэтому, многие стихи Валентина в книжном формате являются только бледной тенью его поэзии и не могут передать всей полноты своего воздействия на слушателей.

***

Освобождение не принесло ни радости, ни успокоения. В 1951 году Валентин Петрович попадает в Ростовскую область, в Красный Сулин, устраивается на металлургический завод. С удовольствием участвует в постановках драмкружка в Доме культуры. Но не сложилось и там.

Через пять лет судьба приводит Соколова в Калинин. Возможно, приносил он свои стихи в редакции областных газет – «Смену», «Калининскую правду». Но подобная «гражданская поэзия» была неужодна.

Борис Вайль в первой и единственной прижизненной рецензии на стихи Соколова («Русская мысль», Париж, 1981, 29 октября) вспоминает, что кто-то из лагерных от его имени послал стихи в «Литературную газету»:

*Месяц как медный пятак,
И ночь – голубая баллада.
У грезящих гипсовых статуй –
Звёздами вышитый флаг,
Сколько у ночи штатов?..*

Адресату ответили. Публикации не будет – слишком похоже на Северянина с Бальмонтом.

Может, и не совсем удачные для «Литературки» вирши – с чем-то американским, хотя СМИ, бывало, выдавали и не такое. Но если бы даже и не нашли в тех стихах декаденщины, стали бы разве печатать поэта, чей обратный адрес – «почтовый ящик»?

В 56-м – поэту ещё нет тридцати. Но жизненный итог неутешителен. Он считает себя стариком, одолеваемым кошмарами прошлого и настоящего:

*Вот теперь я старый-старый –
С головы свисает плесень.
Повседневные кошмары
Стали в центр свободных песен.*

***

*Нет, эти годы не забыты,
Их новой жизнью не стереть!
Душе, страданьями убитой,
Теперь год от году стареть.*

В Калинин Соколов оказался среди простого рабочего люда, «в буднях жизни застрял». И пишет он о городе, об улицах, о своём отношении ко всему увиденному:

*Город выглядит пустынным:
Не шумит он, не гудит.
День рабочий – трудный, длинный –
Где-то в прошлом позади...*

***

*В толчею трамвайных линий
В городской полдневный пыл,
Майский вечер, тёплый, синий,
Незаметно, тихо вплыл...*

*...Ах ты, ночь! – Не ночь, а чудо...
Под волшебной пеленой
Золотой и дымной грудой
Город грезит под луной.*

В стихах калининского цикла – множество свидетельств его попыток войти в советский мир, понять его законы, начать в нём просто жить. Писать стихи, честно работать, любить женщин. Но у него не получалось:

*Вот тогда-то и вошёл я
В мир, где красок не нашёл я,
В мир издёрганный, мертвящий,
В мир любви ненастоящей...*

Не получалось принять современную действительность. С горечью отмечает Валентин, что «*во-ля вся была тюрьмы придатком*». Свободы, как таковой, нет в пространстве социалистической страны. Оставалась одна территория для неё – душа поэта:

*Я рождён свободной птицей
С блеском глаз и ширью крыл...*

И основным становится мотив одиночества. По законам зоны он одинок за колючей проволокой. Но ещё более одинок, оказывается, на воле, «*в этом каменном лесу*»:

*Мне дойти до тех истоков,
Из которых брызжет синь.
Среди многих одиноких
Я подчёркнуто один.*

Соколов много размышляет о своём предназначении:

*Я – поэт. Во мне бушуют страсти,
А покоя абсолютно нет.
Я поэт, но я поэт бродячий...*

***

*Моя бедная муза была
Не упившейся страстью вакханкой,
А склонённой под тяжестью зла,
Изнурённой, больной каторжанкой.*

В Калинин за Соколовым, как за бывшим заключённым, естественно, следили. А человеком он был вспыльчивым. «*Помесь ветра и огня*» – так характеризовал себя сам.

Неудивительно, что вскоре был задержан. Как указывалось в протоколе, допускал «*различные антисоветские высказывания*». В этот раз повезло – дело прекратили из-за противоречивости показаний – отделался пятью сутками.

***

В 58-м власти отправили работать на шахты около тысячи амнистированных. Так в Новошахтинске оказался и Валентин Соколов. Как говорил Рамонов, атмосфера в городе в точности соответствовала описанной в фильме «Холодное лето 53-го» – одни кругом уголовники:

- Милицию, военкомат брали на бордаж. В городе царил беспредел.

По свидетельству знавших его, Валентин Петрович в этот период вёл замкнутый образ жизни. Никаких приятелей и никакого спиртного. Но его – не брали и на шахту!

И опять повезло: познакомился с уборщицей комбината Ксенией Покачаловой, и какими-то ухищрениями она помогла устроиться.

Но шахтёрский труд – к лёгким не причисляется, а Воркута след оставила немалый.

- *Вы мне много не грузите – сил нет,* - просил поэт рабочих. Сказались на здоровье и личные трагедии: несколько лет тому назад покончил с собой отец, а у матери на нервной почве отнялись ноги.

На работе Валентин удалялся в глухие забои и там писал. Цену «энтузиазма» и «преобразований» знал он и раньше, и новошахтинский забой лишь подтвердил его решимость противостоять произволу и унижению человека:

*Русская нация, где ты?
Нет по тебе и следа.
Твёрдо ведут нас Советы,
Твёрдо ведут... в никуда.*

Конечно, за подобное по голове не гладили. Вскоре его снова обыскивают, и начинается второй лагерный круг. Несколько тетрадей со стихами дали следствию возможность изобличить поэта в том, что он «*после осуждения в 1948 году... проводил среди населения контрреволюционную агитацию*».

Действия властей приводят Соколова к ряду резких поступков. Он письменно заявляет прокурору о незаконности задержания, объявляет голодовку. Это ничего не решает, и задержанного отправляют Мордовский лагерь.

Но кое-что и изменилось. Теперь арестанта навещала жена – незадолго до суда Валентин и Ксения решили свои жизни связать. Её отговаривали, но она лишь горько улыбалась:

- *Еду к своему декабристу...*

А «декабрист» очень категоричен:

*Я не пойду теперь на волю вашу.
Мне ваша воля больше не нужна.
Уж если пить страданий горьких чашу,
Так пить её, не сетуя, до дна.*

Те, кто сидел вместе с Соколовым, отмечали, что Валентин был категоричен не только в политических взглядах, о поэзии тоже судил по-своему:

- *Блок – большой поэт, но продался за большую вязанку дров и бутылку керосина. Цветаева – женщина, помешанная на краткости слов.*

- *Валентин, а кто же самый большой поэт?* - интересовались сокамерники.

- *Я,* - отвечал Соколов. - *Я – как Пеле в футболе.*

Второй срок поэтический «Пеле» отсидел от звонка до звонка. Вернулся осенью 68-го. Ксения его дождалась. И на шахте восстановили.

По воспоминаниям дочери Ксении, Евгении, отчим много писал по ночам. Приезжал как-то друг-солагерник – до утра хозяин с гостем спорили, делились воспоминаниями и читали друг другу стихи.

Но свобода длилась недолго. В 70-м Валентин Зэка получает год лишения свободы – то ли за очередное непочтение начальства, то ли за кражу музыкальных инструментов. В 72-м – следующий срок, теперь пять лет за столкновение с милицией по обвинению в злостном хулиганстве.

- *Всё, Валентин, побыл политическим – и хватит,* - объявили Соколову в отделении. - *Теперь будешь сидеть по уголовному.*

Подобное практиковалось КГБ: ведь «диссиденты» в СССР – это всего лишь единичные случаи. Да и то, просто больные люди. Вот десятки и сотни «антисоветчиков» шли в лагеря уголовниками.

Валентин знал, что там, на зоне, его видят звездой лагерной поэзии. Считалось большой удачей с ним познакомиться, послушать, как он читает. Появились подражатели и даже исследователи, называвшими себя гордо «соколоведами».

Почитатели собирали его стихи – прятали тетрадки от обысков, пересылали на волю. А, чтобы охрана не догадалась, авторство приписывали Маяковскому и Есенину.

Самого Соколова обыскивали чуть ли не ежедневно. Вспарывали матрасы, подушки. Ходили слухи, что Валентин в знак протеста даже резал живот себе – ищите и здесь!

До очередного освобождения оставалось уже меньше месяца, а непокорный зэк пишет заявление об отказе от советского гражданства и требует отправить его в Швецию или любую другую свободную страну:

*И если сердце жизнь возненавидело,
Так, значит, плохо жить в моей стране...*

Но вместо Швеции он получает диагноз «невменяемость» и палату в черняховской спецпсихбольнице под Калининградом.

Пять лет держат Валентина взаперти, возят из Черняховска в Новошахтинск и обратно; колят сильные наркотики. Наказывают даже за кормление голубей.

Отбирают книги, тетради и карандаши. Но он умудряется переписывать стихи. В основном – Серебряный век, предпочтение – Есенину. И даже напищенный психотропными, Валентин Зэка продолжал сочинять:

*От его леченья
Сердце стынет льдом!
Хуже заточенья
Черняховский дом...*

А когда-то, из окон совсем другого дома, лихославльского, видны были золотые купола церкви. Вера в бога всегда была для Соколова непреходящей нравственной ценностью:

*В век ЧК и партбилетов,
Не стыдясь, носил я крест.*

И в черняховке создан цикл религиозных стихов. В застенке, как писал автор,

*Становишься сам ты духовно иным:
И к горю, и к радости чутким.*

***

В сентябре 1982 года Валентина Петровича перевели, наконец, в новошахтинскую «вольную» психиатрическую клинику. Диагноз – «вялотекущая шизофрения с антисоветским галлюцинованием».

Через два месяца, в этом новом местообитании, конкретно – в курилке, и случился инфаркт. В символический день – 7 ноября.

***

Всё ж таки, наверное, нельзя считать Соколова только антисоветским поэтом. Поэзия его, как и его судьба, – это поэзия контрастов, поэзия борьбы света и тьмы, борьбы за духовную самооценку человека.

А ведь как писал он о любви!

*Нужно очень нежным быть,
Чтобы вас любить.
Нужно быть большим и нежным,
Чтобы вас любить.*

*Целовать вам нежно губы
Очень нежно нужно.
Потому что вы у ночи
Чистая жемчужина.*

***

*Был я солнечно безумен,
Был сражаем не однажды,
Романтических изюмин
В днях бесцветных жадно жаждал.*

- Он был романтиком по своей природе и порывам. Но эпоха менее всего нуждалась в романтизме чистоты, честности, человечности, - считает Истогина.

Да, Валентин Петрович Соколов ненавидел тоталитарное государство. Но – несмотря ни на что, а, может быть, и вопреки всему – любил свою Родину:

*Я родины сын.
И это мой сан.
А всё остальное – сон.*

И как странно нам – уже пережившим и перестройку, и постперестройку, и переживающим все нынешние прелести демократии – читать его строки:

*А век грядущий.
двадцать первый,
Сквозь чад гульбы и табака
Нам рисовался пьяной стервой,
Идущей в ночь из бардака.*

Кем же и каким же – он всё-таки был – ныне, из века XXI, определить очень сложно. А сам он сказал так:

*Обвели меня чёрным ободом,
А я не был ни Данко, ни Оводом...*

***

Окончить сборник, озаглавленный скрёбовской строчкой, хочется его же, скрёбовским, стихотворением.

Посвящено оно – ещё одному замечательному нашему поэту – Даниилу Марковичу Долинскому.

О творчестве Долинского рассказано в другом сборнике нашей библиотеки – «Листая старую тетрадь...»

***

*У поэтов так неожиданно
Обрываются биографии!*

*Над заснеженной Чёрной речкой
Сухо щёлкнут кремень и сталь —
И магический символ славы,
И могучий владыка века,
И мудрейший из вечно юных
Навсегда уронит перо...*

*А другой, совсем не похожий,
Только тоже познавший цену
Неподкупной любви народной
И любовью недорогих,
Глухо выдавит: «До свиданья...»,
Окропляя солёной кровью
Равнодушно-безвкусный кафель
«Англетеровской» белизны.*

*...Мы умрём с недопетой песней,
С недоказанным главным словом,
С недочитанной книжкой друга,
С недокуренной сигаретой,
С недопитым стаканом чая,
Недописанной строчкой целясь
В недобитых своих врагов.*

***

*

СЛОВАРЬ:

«Англетер» – гостиница в Ленинграде, где погиб С. А. Есенин.

Артезианские воды – напорные подземные воды, отличаются обычно особенной чистотой.

«Багдадский вор», «Джордж из Динки-джаза», «Джунгли» – британские довоенные фильмы.

Бальмонт Константин Дмитриевич – поэт Серебряного века.

Березанская Елизавета Савельевна – советский математик и педагог.

Бич (бывший интеллигентный человек) – некто опустившийся, выполняющий сезонную работу.

Блюхер Василий Константинович – маршал Советского Союза, кавалер Ордена Красного Знамени № 1 и Ордена Красной Звезды № 1.

Бонсай – искусство выращивания миниатюрной копии обычного дерева.

Бородин Леонид Иванович – русский писатель и публицист, диссидент.

Брагинский Эмиль (Эммануил) Вениаминович – советский драматург и сценарист.

Бушлат – тяжёлая тёплая рабочая куртка.

Вайль Борис Борисович – советский писатель и правозащитник, диссидент.

Вайсфельд Илья Вениаминович – советский кинодеятель, один из основателей движения отечественного кинообразования.

Вакханка – красавица жрица древнегреческого бога виноделия Вакха.

ВГИК – Всероссийский государственный институт кинематографии имени Сергея Герасимова.
Володарский Эдуард Яковлевич – советский писатель.
ГТРК «Дон-ТР» – Государственная телерадиокомпания «Дон-телерадио».
Даниэль Юлий Маркович (Николай Аржак) советский писатель и переводчик, диссидент.
Данко – персонаж из рассказа А. М. Горького «Старуха Изергиль», погиб ради спасения народа.
Декаденщина (декаданс) – направление в литературе и искусстве в конце XIX века, характеризуемое эстетизмом и независимой моралью.
Ерёмин Юрий Иванович – известный театральный режиссёр.
Жак Вениамин Константинович – советский детский поэт.
Жуховицкий Леонид Ааронович – советский писатель и педагог.
Завлит – заведующий литературной частью в театре.
Кацапня (кацапы) – презрительное прозвище русских на Украине.
КГБ – Комитет государственной безопасности.
Коккинаки Владимир Константинович – лётчик-испытатель, генерал, дважды Герой Советского Союза.
Коль Гельмут Йозеф Михаэль – федеральный канцлер Германии.
Конформизм – изменение поведения или убеждений в результате давления извне.
Кузнецов Эдуард Самойлович – советский и израильский писатель и диссидент.
Кукес Александр Бернардович – радиожурналист «Радио России» (Москва).
Ливанов Аристарх Евгеньевич – известный советский актёр.
Лира – старинный музыкальный инструмент, считается символом поэзии.
Мельпомена – древнегреческая муза трагедии.
Мова – самоназвание украинского языка.
Номенклатура (здесь) – руководящие должности, назначенные партийными органами.
Овод (Артур Бёртон) – персонаж из романа Э. Войнич «Овод», революционер и борец за свободу.
ОСОВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству.
Пироксилин – взрывчатое вещество.
Психотропные лекарства – сильные препараты для лечения заболеваний нервной системы.
РГУ – Ростовский-на-Дону государственный университет (ныне – ЮФУ).
Северянин (Лотарёв) Игорь Васильевич – поэт Серебряного века.
Синявский Андрей Донатович (Абрам Терц) – советский писатель и критик, диссидент.
Сосновский Борис Николаевич – советский геолог и писатель, диссидент.
Спидница – юбка.
Халаимов Сергей Анатольевич – ростовский композитор.
Чифирь – высококонцентрированная чайная заварка.
ЧК (ВЧК) – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.
Шаламов Варлам Тихонович – советский писатель, диссидент.
Штыб – очень мелкий уголь, почти пыль.

***

*

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Агуренко. Б. Доступные истины Скрёбова. // Вечерний Ростов. – 2002. – 27 сентября – С. 2.
Алабин Л. В тюрьме писалось лучше, чем на воле. // Коммерсантъ. – 1994. – 27 апреля. – С. 8.
Бетаки В. С неводом по берегу Леты. // Звезда. – 2006. – № 6. – С. 97.
Бородин Л. Несравнимые муки. // Дон. – 1997. – №1. – С. 25.
Волошинова В. Н. М. Скрёбов: Антология одного стихотворения. // Молот. – 1995. – 28 декабря. – С.7
Волошинова В. Николай Скрёбов. // Молот. – 2007. – 28 сентября. – С. 8.

- Гончаров В. Горенье тревог, причастие к добру. // Молот. – 1992. – 17 ноября. – С. 4
- Гудилин Е. Наставник молодых. // Приазовский край. – 2002. – 19 сентября. – С. 4.
- Закруткин В. На линии лирики. // Литературная газета. – 1973. – 19 декабря. – С. 6.
- Иваненко Л. Эпоха бережной любви. // Вечерний Ростов. – 1969. – 3 января. – С. 4.
- Истогина А. Вернулся я... // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 4. – С. 8.
- Котовсков В. Наши земляки. – Ростов-н/Д: Ростиздат, 2008.
- Кудаева А. Таким я его запомнила. // Москва. – 1990. – № 11. – С. 23.
- Малюкова Л. В одиночку не разжечь огня. // Литературная Россия. – 1983. – № 9. – С.20
- Мережко В. Роль Мордюковой я писал со своей тёщи. // АиФ: Суперзвёзды. – 2004. – 2 ноября. – С. 12.
- Назарчук П. Во мне владычествует память... // Город N. – 2002. – № 37. – С. 16
- Осипов В. Я знал его в Дубровлаге. // Литературная Россия. – 1994. – 10 февраля. – С. 7.
- Петров В. Неспokoйная звезда. // Дон. – 2002. – № 9-10. – С. 257.
- Семёнова Т. Я виноват был в очень странном смысле. // Газета Дона. – 2007. – 9 ноября. – С. 6.
- Скрёбов Н. Поклон: Лирика и не только. – Ростов н/Д: Ковчег, 2012.
- Скрёбов Н. Сентябрь. – Ростов-н/Д, Кн. изд-во, 1982.
- Соколов В. Тени на закате. – М.: Лира, 1999.
- Сосновский Б. Надпись на стекле. // Тверская жизнь. – 2002. – 28 авг. – С.5.
- Тыртышный В. Без принуждения. // Дон. – 1987. – № 2. – С. 163.
- Хансиварова И. Виктор Мережко: Жить с надеждой. // Наше время. – 2017. – 28 июля. – С. 6.
- Шершевский Л. Цена риторики. // Дон. – 1987. – № 2. – С. 161.

Биография [Электронный ресурс]: [сайт]: о Валентине Соколове. - Режим доступа: http://lihoslavl.tverlib.ru/sites/default/files/albom/sokolov_zk.pdf. – Загл. с экрана.

Википедия [Электронный ресурс]: [сайт]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Загл. с экрана.

Виктор Иванович Мережко – биография [Электронный ресурс]: [сайт]. – Режим доступа: <http://to-name.ru/biography/viktor-merezhko-scenarist.htm>. – Загл. с экрана.

Виктор Мережко [Электронный ресурс]: [сайт]. – 2015. – Режим доступа: <http://facecollection.ru/people/viktor-merezhko>. – Загл. с экрана.

Дон-ТР [Электронный ресурс]: [сайт]. – 2002-2016. – Режим доступа: <http://dontr.ru/vesti/kultura/nastavnik-i-poe-t-sbor-sredstv-na-izdanie-knigi-pamyati-o-nikolaie-skryobove/>. – Загл. с экрана.

Донской временник [Электронный ресурс]: [сайт]: И должен всем, кто мною дорожил / Л. Ф. Волошинова. – 2010-2017. – Режим доступа: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m18/1/art.aspx?art_id=1538. – Загл. с экрана.

Занимательная Ростовология [Электронный ресурс]: [сайт] / А. С. Пхида. – 2017. – Режим доступа: <http://rostovologia.rodb-v.ru/rostovskie-kharaktery-i-litsa/ili-neskolko-mgnoveniy-iz-zhizni-nikolaia-skryebova/>. – Загл. с экрана.

Известные персоны России [Электронный ресурс]: [сайт]: Мережко В. И. – 2000. – Режим доступа: <http://www.persons.ru/cgi/show.exe?Num=1056&Get=All&Item=51>. – Загл. с экрана.

Кино-театр.ру [Электронный ресурс]: [сайт]: Виктор Мережко. – 2006-2016. – Режим доступа: <http://www.kino-teatr.ru/kino/acter/m/ros/2815/forum/#s3389175>. – Загл. с экрана.

Лагерная поэзия XX века [Электронный ресурс]: [сайт]. – Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phyllolog/2014/03/2014-03-05.pdf>. – Загл. с экрана.

Лекция [Электронный ресурс]: [сайт]: Валентин Петрович Соколов (1927-1982). – 2007-2017. – Режим доступа: <http://lektsia.com/2x7f14.html>. – Загл. с экрана.

Литературная карта Тверского края [Электронный ресурс]: [сайт]: Соколов Валентин Петрович (1927-1982). – Режим доступа: http://litmap.tvercult.ru/sokolov_v_p/index.html. – Загл. с экрана.

МК.ru [Электронный ресурс]: [сайт]: Не люблю, когда мой народ показывают свиноподобным! / Виктор Мережко. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/culture/2017/07/27/viktor-merezhko-ne-lyublyu-kogda-moy-narod-pokazyvayut-svinopodobnym.html>. – Загл. с экрана.

Памятники жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР [Электронный ресурс]: [сайт]: Памятный знак Валентину З/К (поэту Валентину Соколову). – Режим доступа: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?t=pam&id=1016>. – Загл. с экрана.

Параллель [Электронный ресурс]: [сайт]: Николай Скрёбов. – Режим доступа: http://45parallel.net/nikolay_skrebov/. – Загл. с экрана.

Проза.ru [Электронный ресурс]: [сайт]: Сентябрины. Диалог-память о Николае Скрёбове. – 2000-2017. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2015/09/25/1802>. – Загл. с экрана.

Ростовская областная детская библиотека им. В. М. Величкиной [Электронный ресурс]: [сайт]: Под беспокойною звездю Николая Скрёбова. – Режим доступа: http://www.rodb-v.ru/literary-ethnography/modern_writers/skryebov/. – Загл. с экрана.

Скрёбов Николай Михайлович. Стихи [Электронный ресурс]: [сайт]. – Режим доступа: <http://www.lastdietforever.com/journal/skrebov-nikolay-mihaylovich-stihi.html>. – Загл. с экрана.

Ivi.ru [Электронный ресурс]: [сайт]: Виктор Мережко. – 2017. – Режим доступа: <http://www.ivi.ru/person/viktor-merezhko-15911>. – Загл. с экрана.

LiveLib [Электронный ресурс]: [сайт]: Виктор Мережко. – 2006-2017. – Режим доступа: <http://www.livelib.ru/author/152232-viktor-merezhko>. – Загл. с экрана.

Livejournal [Электронный ресурс]: [сайт]. – Режим доступа: <http://rosrp.ru/texts/skrebov-nikolaj-mihajlovich/>. – Загл. с экрана.

RELGA [Электронный ресурс]: [сайт]: Аристократизм духа. Памяти Николая Скрёбова / Н. Огнева. – 2004. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=4192>. – Загл. с экрана.

RELGA [Электронный ресурс]: [сайт]: Вся жизнь моя – как плата за тепло. Воспоминания о Николае Скрёбове / О. Андреева. – 2004. – Режим доступа:

<http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=4193&level1=main&level2=articles>. – Загл. с экрана.

SYL.ru [Электронный ресурс]: [сайт]: Виктор Мережко: человек с большой буквы. – 2013-2017. – Режим доступа: <http://www.syl.ru/article/308232/viktor-merezhko-chelovek-s-bolshoy-bukvyi>. – Загл. с экрана.

Tele.ru [Электронный ресурс]: [сайт]. – Режим доступа: <http://www.tele.ru/stars/interview/viktor-merezhko-mordyukova-krichala-v-trubku-kakoy-zhe-ty-sukin-syn-molodets-/>. – Загл. с экрана.

***

*